

АЛЕКСАНДРА САШНЕВА

ТАНГО С ВЕТРОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

2014

18+

Александра Сашнева

Танго с ветром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63462212

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99560-4

Аннотация

Здесь есть все, что нужно для увлекательного фильма – жизнь, смерть и много любви. Конечно же, обман и поиск истины. А еще ветер, теплое море, серф, лаванда и танго. Иногда это на грани, но временами философски печально. По книге написан сценарий, несколько крупных киностудий поочередно пытаются запустить проект, но пока не получается. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 Паника	4
Глава 2. Незнакомец	9
Глава 3. Подслушанный разговор	14
Глава 4. Петровна	18
Глава 5. Кругом маньяки	22
Глава 6. Ночные мысли	29
Глава 7. Пиратский флаг	33
Глава 8. Джонни	36
Глава 9. Первый урок	46
Глава 10. Пари	52
Глава 11. Флэшбэк. Николай	55
Глава 12. Рита. Развод	60
Глава 13. Флэшбек. Падение	63
Глава 14. Рита. Стратегия и тактика	66
Глава 15. Джонни провожает Зайку	70
Глава 16. Малышка	74
Глава 17. Рита. Томительное ожидание	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Александра Сашнева

Танго с ветром

Глава 1 Паника

Соня чувствует, как пальцы потеют от волнения, и осторожно вытирает ладони о джинсы. Почему-то в таких местах звуки всегда раздаются слишком громко, и это усиливает их судьбоносность. Даже дыхание слишком сильно тревожит мертвую тишину кабинета.

Соня пристально следит за шариковой ручкой в руке следователя и пытается угадать, что за слова появятся на желтоватой бумаге бланка. Эти слова напрямую касаются не только ее судьбы, но и судьбы Марка. И вот эта судьба сейчас висит на волоске. Слова. Разве они могут передать все, что происходит на самом деле? Зато они могут решить, как все будет.

Следователь – крупный мужчина лет тридцати пяти, спортивный, жилистый, с решительными чертами лица – шумно выдыхает и переходит на новую строку.

Строчек на бланке становится все больше, и под ложечкой у Сони сосет все тревожнее. И пальцы холодеют. На лице следователя ни сочувствия, ни злости – только скука.

Соня думает, что на такой работе люди непременно долж-

ны стать богами – отрешиться от добра и зла, иначе можно сойти с ума от того, как выглядит мир с обратной стороны.

Где-то внутри Сони разверзается пропасть отчаяния, и она падает туда, в темноту, внутрь своего рушащегося от ужаса сознания. Пропадь космоса – это не пространство. Это отчаяние, которое разрушило к чертовой бабушке стройные радостные описания реальности. Темнота космоса – это чертовы битые файлы. И никто тебе не протянет руку, чтобы удержать в реальности. Вот там и есть одиночество. Оно не в сети, а в отчаянии. И может быть сколько угодно людей вокруг.

Невольно Соня издает стон, понимая, что Марк снова стал для нее соломиной, за которую она зацепилась, чтобы не видеть жуткого лика вечности.

Следователь бросает на нее короткий взгляд и снова пишет.

А Марку-то какво? Соня опять забывает о себе и пытается представить, где он сейчас находится. Хорошо, когда думаешь о другом. Когда думаешь о другом, надо что-то делать – принимать решения, выбирать – некогда думать о черной пропасти. Не в этом ли смысл любви вообще?

Где Марк?

В голове начинает крутиться слово «обезьянник» и картинки из детективных сериалов: решетка, бомжи, проститутки. Ужас. Нет. Нельзя. Не надо об этом думать. Не надо думать ни о чем. Пусть в голове будет ясная звенящая пустота,

ровная, как поверхность зеркала. Глухая, как угольная шахта.

Следователь откладывает ручку и двигает лист. Шорох бумаги и одежды громко раздается в тишине. Почему-то в таких местах всегда громкое эхо. Пустые стены. Они усиливают малейший вздох, малейший шум.

– Прочтите. Если все правильно, напишите: «С моих слов записано верно», – и поставьте подпись.

Соня пробегает глазами текст. Сосредоточиться трудно, мысли мечутся и истеряты, и она начинает шевелить губами, чтобы вникнуть в смысл фраз.

– Да. Вроде так.

Чтобы расписаться, надо наклониться вперед и положить руку на стол. Соня забывает про намокший бинт и опирается для твердости на предплечье, но пальцы все равно немного подрагивают. Подпись получается нервной и размашистой. И, что самое ужасное, на столе остается кровавое пятно.

– Ой! Простите, пожалуйста, – инстинктивно схватившись за локоть, Соня попадает пальцами в кровь.

Следователь тоже видит кровь на столе и на ее ладони, которую она теперь не знает, куда деть. Он с грохотом открывает ящик стола и кидает ей пачку влажных салфеток. Вытирая руку, а потом стирая кровь со стола, Соня боится поднять глаза и слышит, как следователь рвет только что исписанный лист.

Это катастрофа.

Голос следователя взрывает тишину.

– Что ты мне тут налепила? Что ты налепила? Ты не понимаешь? Он людей убивает? В детский сад поиграть решила? Что это? Это у тебя что? Что с рукой?

Он встает из-за стола и жестко берет ее за локоть.

– Пустите! Больно! Пустите!

Следователь задирает рукав. Показывается бинт. Он задирает ее футболку, и видит ее тело в порезах.

– Я порезалась. Нечаянно! Это не он! Это я! Я сама! Он не виноват!

– Ты что дуру гонишь?

Соня начинает плакать, рыдания сами вырываются из нее, ей так хочется хоть раз в жизни испытать что такое – защита отца – она падает следователю на грудь и сквозь сопли, вязнущим в слюнях языком патается высказать самое главное.

– Дяденька! Отпустите нас пожалуйста! Мы ни в чем не виноваты. И убийств больше не будет.

Соня чувствует, как тело следователя вздрагивает в ответ на ее движение. Рыдания все громче, они превращаются в такой бабский безысходный вой, когда баба воеет по убитому ребенку, то уютному мужу, по убитому смыслу жить.

Следователь морщится, наливает в стакан воды, ставит его на край стола перед Соней и проходит к окну. Он смотрит сквозь решетку на буйство южной зелени. С улицы доносится гудок океанского лайнера. Этот звук уносит его мысли на несколько минут из кабинета в другие пространства, и у

Сони достаточно времени понять, что ее физиология никому не интересна. Оттерев кровь и промокнув слезы, она наконец затихает с комком салфеток в руках.

– Извините, я все салфетки испачкала, – через несколько минут гнусаво говорит Соня. – Куда их выбросить?

Следователь оборачивается и усмехается:

– Ну? Пора рассказать правду? Дурочка.

Глава 2. Незнакомец

Темнота воды вскипает бурунами за кормой катера. Бирюзовый шарфик Сони танцует на ветру, в пасмурном небе кричат чайки.

Когда приезжаешь на юг из Москвы, то первое время кажется, что ты не в реале, а внутри объемного фильма. Там, на севере, жизнь шероховатая, обыденная, привычная. Замечаешь только какие-то яркие штрихи, пока несешься по тоннелям однообразных дней: снег, стены, одежда, метро, выражения лиц – все это однообразная пульпа, которая постепенно усыпляет эмоции и притупляет восприятие. Жизнь управляет мозжечок, а ты внутри своих планов, стратегий, задач.

На юге иначе. Здесь все призывает тебя забыть заботы и наслаждаться жизнью. Ветер, запахи, море, растения – это все твои долгие зимние мечты. Всю зиму они были внутри, а теперь ты внутри них. Это шокирует. И поначалу ты немного не в себе.

От этих мылеощущений Соню отвлекает беспокойство. Оно заставляет ее оглянуться и заметить рядом с собой мужчину. Он высок и чем-то неприятен. У него четко очерченные черты лица, и черные, рубленой формы очки. Ветер треплет его яркую гавайку. Она расстегнута, и видны воловчатая грудь и живот. Для своих лет (около пятидесяти) мужчина выглядит неплохо. Но все равно он неприятен.

Мужчина не смотрит на Соню, но она чувствует раздражение от его присутствия всем телом, даже волоски на руках поднимаются дыбом, а по коже пробегают мурашки, словно от него тянутся невидимые щупальца. Соня отступает в сторону, чтобы увеличить расстояние, но это бесполезно – тело мужчины думает про ее тело. Оно источает свои телесные мысли – запахи, движения. Если бы не ветер, в этих мыслях можно было бы задохнуться.

– Вы верите в судьбу? – вдруг спрашивает мужчина, не поворачивая головы.

– Я не вижу вас в своей судьбе и не хочу говорить с вами. Простите, – Соня отвечает слишком резко для такой нейтральной, в общем-то, ситуации, и это бесит еще больше. Можно было просто не отвечать.

– Как хотите, – говорит мужчина и немного приближается к Соне. – А может, вечером прогуляемся? Знаю неплохой ресторанчик. Вы ведь отдыхать?

– О, боже, дай мне терпения! – Соня говорит это сама себе, злясь на свою ярость, беспричинную с виду. Но так нельзя. Если так реагировать на каждого наглеца, то лучше сидеть дома и не выходить никуда. Соня опять отодвигается и опускает голову на руки, положив их на металлический поручень.

Внизу кипит темно-зеленая вода моря. Глубина, таящая прошлое и будущее. Это кипение утаскивает за собой, успокаивает, Соня забывает о неприятном инциденте, полагая

его законченным, но он закончен только отчасти. Завершена его первая часть – раздражение. Соня снова слышит голос мужчины и добровольно соглашается вступить во вторую часть – любопытство. В шум моторов и плеск воды вплетается неприятный голос, презрительно менторский, даже брезгливый.

– Многие думают, что можно изменить судьбу, что она зависит от каких-то там поступков. Хороших или плохих. Но это большая ошибка. Очень большая. Единственная причина всех событий – ветер. Да, ветер. Именно. Он гонит события, как волны, и людям остается только переживать их. Переживать и смириться с этим. Попадая в дерьмовые истории, люди думают, что все могло быть иначе, что события зависят от каких-то там причин, которые они могли бы изменить. Но они не могут ничего изменить. Они ошибаются. У событий нет никаких причин. Если событию суждено быть, оно само найдет причину и случится. Найдет и случится. Если убрать одну причину, найдется другая. И все равно будет все именно так, как должно быть.

Слова оседают в сознании Сони слоем песка. В этом есть смысл. Неожиданный смысл. Он увлекает. Но страх начинает звенеть высоким диссонирующим звуком где-то в мозжечке и заставляет оборвать разговор.

– Я не собираюсь с вами разговаривать, – голос Сони на удивление спокоен.

– Что ты так разволновалась?

– Вот черт! Ладно! – Соня опять злится. – Все равно больше не встретимся. Все спокойно. Все хорошо.

Сказав это, Соня поднимает с палубы свой рюкзак и уходит с кормы в салон. Ветер взмахивает на прощание расстегнутой гавайкой. Наверное, незнакомец проводил ее взглядом, но Соня боится оглянуться, чтобы проверить, так ли это.

Катер уже приближается к пристани, и пассажиры начинают подниматься с сидений.

Галдеж, тьяканье собачки, толкотня. Горячих, прогретых южным солнцем тел. Сумки, корзины, рюкзаки, ведра. В пути особенно видно, что жизнь, в сущности, состоит из перемещения предметов. Если животное живет, перемещая в пространстве только себя, то человечество тратит большую часть жизни на создание вещей и последующую их транспортировку. И это не то чтобы придает смысл жизни, но дает иллюзию избранности, иллюзию того, что человеческая жизнь основательнее и прочнее жизни прочих тварей.

Катер причаливает. Петли швартовых наматываются на кнехты, матрос закрепляет узлы.

Вместе с толпой пассажиров Соня сходит на берег и сразу окунается в толчею небольшого рыночка. Воздух пропитан запахами овощей, криками и жаром асфальта, хотя уже сентябрь. Соне нужно на автобус, но прежде чем пойти к остановке, она решается оглянуться – не видно ли пестрой гавайки? Нет, гавайки не видно. И слава богу. Соня с облегчени-

ем вздыхает.

Глава 3. Подслушанный разговор

Автобус, скрипнув дверями, трогается. За окном начинается разгоняться пейзаж. Высокие акации – огромные стручки и высокие гибкие стволы – так странно видеть их после Москвы. Сквозь акации видно море, на краю земли, у самого края небесного купола, в дымке видны два корабля. «Наверное, они гигантские, – думает Соня, – но выглядят малюсенькими игрушками». Солнце уже довольно низко, и дымка начинает приобретать янтарный оттенок.

За спиной Сони, вдавив крепкие зады в мягкость сидений, сидят две тетки – загорелые черты грубоваты, огромные бюсты обтянуты цветастыми лифами платьев. Они о чем-то говорят, но Соня не вникает, хотя тетки разговаривают громко.

Мотор автобуса бодро гудит, ветер влетает в окно и шумит в ушах. Теплый южный ветер. Соня чувствует его щекой, привыкая к новому миру, в котором ей придется прижиться на неизвестное время. Соня все еще безымянна и безразлична для жителей этих мест, что-то вроде фотографии на афише. Она здесь ни с кем не связана ни долгами, ни воспоминаниями, ни ожиданиями.

Пока.

Но это «пока» прекрасно, как момент, когда новорожденного принимают на руки врачи. В этот момент еще все возможности принадлежат ему, и вся последующая жизнь – это

отсекание возможностей. Переход потенциальной энергии рождения в кинетическую энергию жизни и остановка, когда все возможности исчерпаны.

Неожиданно Соня вникает в разговор за спиной.

– ... девушку убил. Труп нашли на Лагерной в доме заброшенном. Изрезал всю в клочья. Когда нашли тело, ее уже начали есть крысы.

– Откуда ты знаешь?

– Моя родственница живет там недалеко. Была в понятиях.

– Как она смогла смотреть на это? Я бы в обморок упала.

Не могу вида крови выносить.

– Она тайком сфотографировала на мобилу. Это ужас. Я видела, меня чуть не стошнило.

Соня оглядывается.

– Че надо? – грубо спрашивает ее рыжая толстуха.

– Ничего. Извините, – Соня не собирается вступать в конфликт. Уже в затылок ей рыжая говорит:

– Ничего – тогда отвернулась и смотришь в окно.

– Уже, – Соня равнодушно поправляет наушники и продолжает слушать разговор.

– В школе, где моя Верка училась, был учитель литературы. Вежливый такой, слова плохого не скажет. А стихи как читал! До слез, прям, как артист. А потом че оказалось? Собака у него в сарае стала копать и останки детские вытащила.

– Да ты че?

– Как стали копать – там семь или восемь свежих скелетов нашли. Такой вот учитель. А уж обходительный был.

– Ос-спади! Как земля таких носит?

– Ой, не говори! Так вот отпустишь ребенка в школу, а там...

– Да он, поди, это... В Севике курортниц ловит. В нашу деревню ему зачем?

– Мало ли.

Автобус подбрасывает на ухабе, тетки вскрикивают.

Сады, поля, домики мелькают за стеклом, радуя глаз яркими красками – клип в стиле лаунж. Автобус опять подбрасывает, и тетки Переходят с темы маньяка на тему дорог, паршивых автобусов и небрежности водителей.

Солнце уже довольно низко, еще немного, и оно коснется краем горизонта. Темнеет стремительно. Когда автобус останавливается около бара «Малибу», в сумерках уже ярко светятся неоновые буквы. Двое отдыхающих переходят дорогу, возвращаясь с моря. Маленький мужичок в большом потасканном плаще, больше похожий на ожившее пугало, гонит к берегу стадо коз. В руках у мужчины хлыст, и он подгоняет им коз, которые норовят разбежаться, блеют и по пути обкусывают ветки кустов.

Выйдя из автобуса, Соня несколько секунд медлит, глядя в сторону моря. Оно бурлит в сумерках белой пеной прибоя за стволами придорожных акаций. Хочется пойти прямо ту-

да, но Соня поворачивает в другую сторону, ей вверх по серой ленте асфальта – в поселок.

Какой-то тип с лицом уголовника выруливает из переулка и следует за Соней шаг в шаг, не отставая и не опережая. Если бы не разговор о маньяке, на это можно было бы просто не обратить внимания, но на пустынной улочке в быстро густеющих сумерках от громкого эха чужих шагов становится тревожно.

Соня нарочно сбивает шаг, но мужчина не отстает. Тогда она останавливается и начинает копаться в рюкзаке, готовясь чуть что закричать или броситься бежать. Но человек проходит мимо, даже не посмотрев на нее.

Соне становится немного стыдно, и она громко произносит:

– Это ведь паранойя называется? Правда, Соня?

Мимо проезжает «девятка», сотрясая засыпающий воздух танцевальным битом, и останавливается около продуктового магазинчика, где толпятся местные алкаши и рядком сидят бабки – продают носки, забытые отдыхающими вещи, ягоды, яблоки, вино, украденное с винзавода. В темноте сияет белозной памятник колхознице с поросятами. Соня поворачивает к домику Петровны, и лай всех окрестных собак приветствует ее.

Глава 4. Петровна

Соня нажимает кнопку звонка и тут же отпускает ее, потому что звук больше напоминает полицейскую сирену.

– Да замолчи ты уже! – раздается во дворе громкий женский голос, калитка со скрипом открывается, и на пороге возникает Петровна. На вид ей около семидесяти. Окинув Соню быстрым цепким взглядом, она ждет Сониной реплики.

– Здравствуйте, Тамара Петровна. Я Соня. Я вам звонила из Москвы.

– А-а-а! Да-да! Добрый вечер, Соня, – Петровна расплывается в улыбке. – Заходи-заходи!

Отступив, Петровна пропускает гостью во двор.

– А вещи-то твои где?

– Да вот, – Соня показывает рюкзак.

– Так ты надолго?

– Не знаю. Как пойдет.

Они идут мимо большой яблони, мимо летней столовой под навесом в арке из роз, мимо большого кирпичного дома к деревянной лестнице на второй этаж. Надо подниматься наверх. Соня идет первой, Петровна за ней. На лестнице становится видно, что Соня чуть прихрамывает.

Соня ждет, пока Петровна откроет комнату, и оглядывается. Сверху виден огород, сарай и будка, возле которой гре-

мит цепью большой серый пес. Старик поливает помидоры, держа в руках шланг.

– Как доехала? Нормально? – спрашивает Петровна, открывая дверь комнаты.

– Нормально. Долго только. Надоело.

Они проходят внутрь, и Петровна включает свет. Телевизор, кровать, тумбочка, зеркало, дверь в кабинку с удобствами. Отлично.

– Вот здесь будешь жить. Иди сюда. Смотри, как душ включать. Вот так повернешь – и включай кран. Будет горячая.

– Спасибо, – говорит Соня и торопится снять рюкзак.

– А ты чего хромаешь? Ногу стерла? Дать тебе пластырь?

Подумав, Соня отвечает:

– Нет. Не стерла. Сломала.

– Как так-то? – Петровна удивлена.

– Да так... Под трамвай попала, – Соня хотела бы все свести к шутке, но Петровна не улавливает интонации.

– Да ты что? Ужас-то какой! И как же ты?

– Ну... так. Уши развесила и бац – прямо под колеса. Да еще с разбега. Раскатало по полной. Зато урок на всю жизнь. Теперь смотрю на светофоры во все глаза.

– Да уж больно дорогой урок-то! – качает головой Петровна.

На это Соня резонно замечает:

– Хорошие уроки не бывают дешевыми.

– А вот это правильно, что ты не унываешь. Уныние – пустое дело. Ну вот, давай устраивайся. И на ужин спускайся. Я накрывать пойду. Ужин в семь часов. Сейчас все и придут постояльцы. Познакомишься.

– Спасибо, Тамара Петровна, – говорит Соня и, дождавшись, когда Петровна выйдет и закроет дверь, падает на кровать, несколько раз подпрыгивает и замирает. Прикрыв глаза, она ощупывает кровать слева от себя и тихо спрашивает:

– Ну что? Ты здесь, господин Одиночество?

Рядом с ней на кровати проявляется подросток лет двенадцати, похожий на ее брата-близнеца. Только в отличие от Сони его белая кожа сияет лиловым светом. Он осторожно трогает руку Сони и говорит:

– Поздравляю. С приездом в рай.

– Спасибо. Пока не осознала. Чувствую себя картинкой на экране, как в кино.

– На море пойдём? Или завтра уже? – спрашивает Одиночество.

– Хочется, – вздыхает Соня. – Но темно уже. Да еще эти тетки с маньяком. Стремно как-то. У меня паранойя, как считаешь?

– Есть немного. Но тут лучше перебдеть, чем недобдеть. Пойдем уж утром, чего там.

Мальчишка смеется.

– Слушай. Давно хотела спросить: почему тебе все время двенадцать лет?

– Ты меня так запомнила, когда мы первый раз встретились. Помнишь? Ты качалась в осеннем парке на качелях...

– Точно. Помню. Да. А на самом деле ты какой?

– Никакой. Как шаровая молния, но тебе так удобнее со мной общаться. Не хочешь в душ, кстати?

– Хочу. А что, конем уже пахну? Ладно, пойду.

– Да не. Нормально. Просто вдруг ты забыла.

– А-а. Пойду. – Соня поднимается и, зайдя в душ, включает воду. Струи хлещут по плечам, по спине, по полиэтиленовой пленке кабинки. На левом бедре Сони шрам. Такие бывают от открытых переломов. Соня наклоняется и трогает шрам, нащупывая пальцами отвердевшие после разрыва жилы, стиснув зубы от боли, начинает их разминать.

Подросток, немного побродив по комнате, останавливается перед зеркалом и растворяется в пустоте.

Глава 5. Кругом маньяки

На столе летней столовой стоит переносной телевизор. Синий отсвет тускло высвечивает из темноты лица мужчины и женщины. Соня осторожно садится на свободное место и разглядывает их. Они уже немолоды, им за шестьдесят. Затаив дыхание, они следят за тем, как на экране маньяк обклеивает полиэтиленом комнату в заброшенном доме.

– Добрый вечер, – осторожно произносит Соня.

– Привет, – старик оборачивается и протягивает жилистую руку. – Новенькая, что ли? Я – Игорян.

– Ага. Соня. Очень приятно.

– Извини, кино, – Игорян снова отворачивается к экрану.

– Я – Наталья, – у женщины нудный скрипучий голос.

Соня берет тарелку и кладет себе картошку и салат. По темному коридору на экране крадется полицейский. Коридор длинный, как в дурном сне. В руке полицейского «глок», лицо освещено тусклым светом, изображающим ночь. Полицейский стирает пот со лба и тревожно прислушивается.

Соня нагребает из салатницы большую ложку салата, стараясь не издать ни звука. К столу подходит женщина лет тридцати.

Разглядев Соню в темноте, она шепчет:

– Ты новенькая? Привет. Я Рита.

– Ага. Соня.

– Что тут у нас? – Рита разглядывает содержимое салатницы и заглядывает в кастрюлю. – Салатик, картошечка, рыбка. Вкусненько.

– Ага, – говорит Соня, жуя кусок помидора.

Маньяк на экране подносит нож к горлу жертвы. В глазах жертвы ужас, на лбу выступает пот. Она мычит, насколько позволяет мычать скоч, которым заклеен ее рот. Жилы на шее вздуваются. Соня отворачивается.

– Фу! Не могу смотреть ящик, – говорит Рита. – Или дебилизм, или насилие. И так убить кого-нибудь хочется. Не противно вам?

– Да сейчас уже закончится, – отмахивается Игорян.

– Нет. Нам не противно, – скрипит Наталья. – Так что придется потерпеть!

– Ладно-ладно! Смотрите! – смиренно соглашается Рита и обращается к Соне: – Сами все тут маньяки ненормальные!

Игорян шикает.

Раздается сигнал мобилы. Рита достает ее из кармана, хмуро читает сообщение и начинает писать ответ.

– Ну, давай же! Давай! – восклицает Игорян.

В комнату маньяка врывается полицейский, гремит выстрел, из головы маньяка вылетает красная жижа и заливает экран. В следующем кадре девушка падает на грудь освободителя.

– Ну вот. Все обошлось! – довольно произносит Наталья. – И нечего было истерику устраивать!

Начинается реклама, Игорян выключает звук и включает лампу, висящую над столом. Становится почти светло.

Затем мужчина оскаливается в улыбке и спрашивает:

– Ты из Москвы? Надолго?

– Нет. Ненадолго, – отвечает Соня. – А-а-а... мы, типа, уже на «ты»?

– А че нам? Мы тут все на одном пляже практически голые. К чему церемонии?

– Логично.

– Игоряша простой у нас, – сообщает Наталья. – Зато полезный. Заботливый, если сходить куда или еще как.

– Да, я такой.

Отправив сообщение, Рита достает из кармана пластинку с таблетками, выщелкивает одну и запивает водой. По ее лицу видно, что она расстроена.

– Тема маньяков сегодня преследует меня, – говорит Соня после некоторого раздумья. – В маршрутке ехала – слышала разговор. Говорят, на днях нашли труп девушки в заброшенном доме.

– Че, реально? – не верит Рита. – Да ладно!

Игорян и Наталья внимательно слушают Соню, хотя это не мешает им есть.

– Ага, – продолжает Соня. – Родственница одной из теток в понятых была. Засняла на мобилу.

– Где нашли? – Наталья поворачивает голову. – В Севастополе?

– Ага.

– Да, – тянет Игорян. – Сплошные маньяки. И в кино, и в жизни. Вот так пойдешь на пляж и...

– Ну и шуточки! – Рита морщится.

– Можешь не волноваться, Рита, – смешочек Игоряна. – Надо быть особенным человеком, чтобы попасть в руки маньяка. А мы люди обычные. Нам ничего не грозит!

Наталья усмехается:

– Тебе, Игоряш, точно ничего не грозит! Речь идет о женщинах, если ты не заметил. Надо новости посмотреть будет.

Все замолкают на минуту в раздумье, и Соня задает вопрос, о котором думают все:

– А как он вообще их находит? Стоит часами в темном дворе и ждет? Или на пустыре? Как?

Игорян отзывается первым.

– Я читал в учебнике по криминалистике, что жертва и маньяк чаще всего заключают молчаливое согласие. Жертва как бы согласна быть жертвой. Маньяк не набросится на любого, он чувствует какую-то связь с жертвой.

Рита не согласна:

– Да ладно. Сколько раз слышала, что обычные женщины и девушки становились жертвами. Шла с работы вечером, просто гуляла – и на тебе.

– Ну, я что читал, то и сказал. Не на каждую он набросится. Вот, к примеру, собаки – они ж не всех кусают, а только тех, кто боится.

– Типа, жертва тайно хочет, чтобы ее порезали на лоскуты? – уточняет Соня.

– Это вряд ли, – возражает Игорян. – Но, наверное, гипнабельность нужна. Обычно все эти жертвы в подавленном состоянии. Подавленный человек, не видит, что вокруг творится. Весь в себе потому что.

Голос Игоряна бодр и весел. И Соня думает о том, что Игорян, вероятно, всегда весел. Вероятно, чтобы заставить его хмуриться или печалиться, надо сделать что-то ужасное – например, стукнуть его по голове молотком. А так ему все – трын-трава и веселье.

К столу подходит Петровна, неся на руках блюдо с дыней.

– А вот мы сейчас у Петровны спросим! – говорит Игорян.

– Давайте дыньки покушайте, – предлагает Петровна.

Игорян собирает пустые тарелки, освобождая место для дыни.

– О! Ставь сюда, Петровна! Знаешь че-нить? Маньяк, говорят у вас тут. Соня вот в маршрутке слышала.

– Да, объявили в новостях утром. И в магазине народ говорил. Но вы не бойтесь, он в Севастополе орудует. Там на окраине, на Лагерной. У нас тут нечего ему делать. Так что отдыхайте, не волнуйтесь.

Петровна забирает тарелки и уходит.

– Надо новости послушать, – теперь это говорит Рита.

На экране появляется Сердючка, Игорян делает звук громче. Сердючка поет: «Червячки чудовы, ризноколоро-

вы».

– М-м-м-м, какая дыня! Мед! – восхищается Игорян.

– Да ничего особенного, если честно, – Наталья брезгливо кладет обгрызенную корку и тянется за вторым куском. – Несладкая и водянистая. Наверняка туда нитратов впрыснули шприцем, чтобы быстрее созрела.

А дыня-то реально хороша. Соня и Рита встречаются взглядами и понимают, что они подумали об одном и том же.

– Есть люди, – говорит Рита, – рядом с которыми киснет молоко.

– И мед становится горьким, – добавляет Соня.

Им становится весело, они с трудом удерживаются от смеха.

– Это вы к чему? – спрашивает Игорян, протягивая руку за следующим куском дыни. – Ну-ка. Вот, вот этот.

– Да так просто, – взгляд Риты вызывающе сверкает.

Наталья кладет скомканную салфетку в тарелку и сверлит Риту огненным взглядом. Но это только бодрит оппонентку. Как бы сама себе, Рита произносит:

– Интересно, почему-то никогда не слышала о женщинах-маньячках. А они ведь есть, наверное? Я вот одну точно знаю.

Наталья прекрасно понимает, в чей адрес реплика, но это ни на йоту не смущает ее.

– Женщины умнее, – говорит она. – Они тщательнее скрывают следы. И у них другие методы, требующие интеллекта.

Женщина может лаской довести до такого ада, что мало не покажется. Не зря говорят: сила есть – ума не надо. Приятного аппетита.

Отодвинув стул, Наталья удаляется.

– За что ты ее так? – спрашивает Соня.

– Есть за что. Она вот так нудит уже вторую неделю и утром, и вечером. Я уже видеть ее не могу. Я отдыхать сюда приехала, а она настроение портит.

– Ну да. Наталья – эксклюзивная женщина, – соглашается Игорян.

Глава 6. Ночные мысли

Ночью Соня почти засыпает. Почти. Где-то на грани, на поверхности между двумя мирами, Соня думает о том, что привычное может быть скучным, но не пугающим. Хотя и скука может стать смертельной. Мы поглощаем мир глазами, ушами, губами, желудком, мозгом, снами, словами, касаниями. Мы пьем его, жуем или жадно глотаем, думаем его. Этот поток и есть мир, мы наполняем им мозг и существуем.

Нет потока – нет сознания, но и слишком бурный поток может сбить наше сознание с ног и повергнуть в панику. Паника – это когда мозг не успевает раскидать новости по полкам. Или когда новостей нет.

Это просто ощутить: стоит остановить взгляд, мир исчезает за серой пеленой. Но и если очень быстро двигаться, мир также превращается в нечто однородно неразборчивое. В серую глину пустоты. Выходит, слишком быстрая скорость равна для нас полной неподвижности. Кто сказал, что за неподвижностью нет ничего? Кто сказал, что за скоростью света нет ничего? Впрочем, «неведомо» равно «не существует».

Это, собственно, и есть коридор реальности – то, что мы успеваем разглядеть, расслышать, ощутить, измерить. Но измерить реальность мы можем только реальностью, доступной нам в ощущениях, и в этом ограничены. Наше общение

с миром похоже на бесконечный коридор отражений, возникающий в двух зеркалах, направленных друг на друга, где каждое отражение обогато сложностью предыдущего.

Соня думает о том, что пространство спокойствия – это пространство предсказуемости. На предсказуемое мозг не тратит энергии, поэтому он так не любит расставаться с прошлым. Твое прошлое и есть ты сегодняшней. В этом секрет всех гороскопов. У нас нет универсального сознания. Прежде чем увидеть мир, мы должны получить инструмент зрения. Сначала рождается тело, а потом – долго, в течение нескольких лет – в мозгу вызревает личность. Это называется детство.

Детство – самое безопасное время, каким бы оно ни было. Время доверия. Ты вынужден всему, что приносит поток реальности, говорить да. Иногда это помогает тебе, иногда это тебя калечит, но у тебя еще нет слова «нет». Сначала ты весь – одно сплошное «да». Мир впечатывается в тебя, делая из куска глины пустоты город твоего сознания, потом населяет его живностью. И дальше ты будешь жить внутри этого города, даже если он полон вурдалаков и змей, даже если его стены получились кривыми, а лестницы ведут никуда. Если смотреть сверху, этот город выглядит как матрица или печать. Отныне все, что ты будешь создавать – вещи, отношения, слова, поступки – будет слепком этой матрицы. И все, что ты будешь брать из мира, должно будет совпасть ямками и выпуклостями со сложной архитектурой твоего внут-

ренного города. Иногда ты будешь встраивать свою матрицу в нечто неподходящее и неведомое тебе, и тогда дома и эстакады твоего города будут крошиться и оседать в руины. И тебе будет больно. Печальясь и плача, ты будешь исправлять разрушенное, ремонтировать, изменять очертания, не желая расстаться с тем новым, что пришло в твою жизнь, чтобы нанести урон твоему городу. Ты будешь чувствовать панику и страх, пока не возведешь новые формы. Так ты будешь учиться. И однажды, усвоив множество уроков, почувствуешь себя героем, победителем драконов, и вот тут-то тебя и поджидает смертельная встреча с неизвестным. Ты не сможешь предугадать, каким будет человек, который сотрет твой город с лица земли, как Хиросиму и Нагасаки. Твой победитель может оказаться кем угодно: маленькой девочкой, взрослым мужчиной, случайным прохожим, любовником, тренером по танго, учителем литературы, персоной, о которой ты прочтешь в газете. Ты никогда не предугадаешь, кто сотрет тебя с лица земли и превратит твое сознание в пустоту. И лишь тогда ты снова станешь чистым, как в тот миг, когда родился на свет. И лишь тогда ты увидишь мир таким, как есть. Из мира зрителей ты переместишься в мир артистов и рабочих сцены. Увидишь серые кулисы, скрипучие механизмы, цепи, шестерни, которые приводят в движение громоздкую махину мироздания.

Это твоя внутренняя крепость, зона защищенности и комфорта.

И Соня вдруг понимает, что даже к ужасу и насилию можно привыкнуть в детстве и полюбить это только потому, что это из детства. И что потом, даже если ты осознаешь это, все равно будешь искать безопасности в ужасе, и глаза и руки тиранов и преступников будут завораживать тебя, как удав кролика, потому что это пришло и отпечаталось в тебе в детстве.

Соня и сама не знает, зачем эти мысли приходят к ней каждый вечер перед погружением в сон. Поток сознания закручивается вихрем, разгоняется до серого ничто, и перед глазами Сони возникает длинный коридор внутреннего города. И опять она не может понять, где находится этот город – внутри или снаружи. А потом наступает сон.

Глава 7. Пиратский флаг

Утро прекрасно. Солнце, ветер, запах акаций. Словно мир влюблен и танцует от радости. Высоченная южная осока шуршит на ветру, шумит прибой, поскрипывают песчинки под ногами.

Соня и Рита идут по тропинке к морю. Рите приходит СМС. Она читает и начинает на ходу отвечать.

Соня находит уместным спросить:

– Поток СМС. Любимый пишет? Или военные действия?

– Военные действия. Развод, блин, – Рита отвечает с досадой и останавливается, чтобы набрать ответ.

– А-а-а. Сочувствую, – Соня останавливается чуть в стороне и от нечего делать разглядывает пейзаж. Взгляд скользит по вершинам гор, по макушкам деревьев, огибает мыс, выступающий в море, и останавливается на черном пиратском флаге, что трепещет на ветру, пытаясь сорваться и полететь. Флагшток укреплен на крыше ангара, которая становится видна, когда осока пригибается под порывами ветра. Соня привстает на цыпочки, и ей даже удается рассмотреть, как недалеко от берега покачивается серф с ярко-бирюзовой, как ее шарфик, полосой на парусе.

Сердце начинает колотиться. Парус, ветер, волны! Одна мысль о том, что это может быть возможно и для нее, сводит Соню с ума. Она тянется вверх, хотя уже готова бежать туда,

но вдруг ногу сводит судорогой, и Соня, вскрикнув, падает на песок.

Рита сочувственно морщится.

– Что с ногой? Петровна сказала, что ты попала под трамвай.

Соня усмехается.

– Уже донесла Петровна?

Боль отпускает, и Соня некоторое время отдыхает от нее.

Рита садится на корточки рядом.

– Да вот, утром сказала.

– Ну да. Трамвай, – вздыхает Соня. – Она любит его, он любит другую, а потом приходит трамвай. С большой буквы «Т», и она прыгает с седьмого этажа. Надо было повыше выбрать место, но не было времени.

– О, боже!

– Да все уже. Все позади, слава богу. Год целый прошел. Теперь я могу жить и без него. И даже неплохо. Скучно только. Как в пустыне. Как будто ненастоящее все. Получается, вроде не только он мудаком оказался, а вообще весь мир фальшивый. Но раз я не увидела, как он меня обманул, значит, я и другого обмана не вижу. Так ведь? Прикольно. Вот я сейчас иду, а эти акации меня обманывают. Прикинь? Вот эти акации обманывают меня! И осока меня обманывает. И песок, и море.

Они поднимаются и продолжают путь.

– А у меня в разгаре мой трамвай, – вздыхает Рита. – В

разгоне. Мать его разэтак!

Соня замечает черный пиратский флаг на фоне моря.

– А что там, не знаешь?

– Серфстанция, кажется.

– Серфстанция? – посторяет Соня заворуженно. – Круто.

Пойдем туда!

– Нет. Это не по мне, – качает головой Рита.

– Ладно. Я потом найду вас, – говорит Соня, устремляясь на флаг.

– Давай, – Рита машет ей рукой. – Хорошо, что ты приехала! Хоть не такая тоска.

Пиратский флаг, трепеща над ангаром, обещает свободу от боли. От всех болей – телесных, душевных, умственных. От боли жизни и от боли смерти.

Глава 8. Джонни

На песке перед ангаром стоит рыночный зонтик, под ним раскладной столик, за которым сидит Джонни, набриоленный брUNET в расцвете сил. Его лицо могло бы быть типичным лицом голливудского кота, если бы в нем не было чего-то по-русски печального. Эта печалинка делает лицо Джонни несовершенным и человеческим.

Джонни почти тридцать, он уже растерял изрядную часть возможностей, и ему пора вступить в период равновесия. Все его яблони уже посажены, надо только выбрать, с какой потом, в старости, собирать плоды. Но в садоводстве жизни важны исходные условия: грамотный садовник и подходящая погода. Не всем везет одинаково.

Муха вытаскивает на берег парус и, отсоединив его от доски, уносит в ангар.

Солнце блестит на черных волосах Джонни, бликует в черных стеклах очков. Джонни говорит с кем-то, прижав трубку к уху:

– ... Что ты говоришь? И что мы делали в твоём сне? Ты была в черных чулках? О! Это сводит меня с ума. Да, как договорились. Да-да! Все нормально. Не волнуйся, Котеньш.

На пустой стул садится возбужденный после серфа Муха. У него в руке затертый, захватанный пальцами «Максим». Мухе восемнадцать, и он еще в том прекрасном возрасте,

когда ребенка в человеке больше, чем взрослого, когда возможностей еще больше, чем реализованностей, и жизнь еще удивляет. Поэтому Муха листает журнал «Максим» и с интересом рассматривает женские тела. В его возрасте женское тело – это Америка, которую уже миллиарды раз открывали прежде, но каждый мужчина должен открыть ее заново.

Мобила Джонни опять звонит и прыгает по пластику стола.

– Ну что опять? А-а! – тянет он недовольно и подносит трубку к уху. Впрочем, отвечает он совсем другим голосом, голосом ленивого сладкого котика. Джонни воркует, Джонни поет: – Малыш! Здравствуй, милая. Конечно. Да-а... Готовь свои лучшие трусики. Да. Хорошо, Малыш, – положив трубку, Джонни возвращается к прежнему тону. – Иногда заматывают телки. Веришь?

– Не-а... Не верю, – качает головой Муха и мечтательно улыбается. – Как телки замотать могут? Это же... Телки! У них есть сиськи...

– Что сиськи? Сиськи – это анатомия. Просто анатомия. Скучно.

– А что не скучно? – Муха не верит.

Джонни задумывается, и лицо его становится усталым, обиженным, как у маленького мальчика, у которого отобрали игрушку и не объяснили почему.

– Не знаю. Сам не знаю, чего хочу. Веришь? – говорит Джонни и неожиданно начинает читать стихи.

*Как будто мы не чужие,
Как будто бы не сироты,
Как будто бы мы когда-то
Были сестрой и братом.
Как будто бы все отныне,
Лишь радостью будет чревато.
И с красным дипломом пилота
Мы начинаем полеты.*

– Вот так хочется, Муха. Но так не бывает.

Муха смотрит на Джонни с недоумением.

– Джонни, расскажи мне, в чем прикол. Я со школы не могу воткнуть. Зачем люди пишут эту херню. Зачем они ее читают. Почему они закатывают, мать их растак, глаза, читая стихи. В чем фишка? Вот ты. Ты, типа, любишь стихи. Любишь, да?

– Я?! Я люблю? Да мне все равно, – усмехается Джонни, и его голос снова становится легкомысленно-небрежным, даже немного презрительным. – Девушки любят, когда я читаю им стихи. Их это вставляет по полной. Прямо как волшебная палочка. А потом и я тут как тут. Тактика просто...

Джонни бахвалится, но видно, что это бахвальство скрывает нечто иное. Может быть, то, что Джонни скрывает сам от себя. Муха качает головой недоверчиво.

– Нафига они тебе, если скучно?

Джонни пожимает плечами.

– Ну... Так. Не знаю. Что-то надо делать.

Опять звонит мобила, и он отвечает:

– Да, Зайчонок. Конечно! Разумеется! Да! Зайду за тобой в гостиницу. Конечно. Ты же моя самая любимая, Зайчатина. Обнимаю. Ну, все. Давай собирайся. Не забудь ничего, все упакуй как следует. Конечно, помогу.

Джонни выключает мобилу.

– Так. В четыре – Зайчатина, в пять – Малышатина, потом от нее удрать к Кошатине. К злобной Пантерочке. Как бы не обожраться мне сегодня!

– Ты что? С тремя в один день? – изумляется Муха.

Джонни загадочно молчит и смотрит за горизонт, туда, где на выпуклой плоскости моря, будто на боку елочного шарика, виднеется маленький кораблик водоизмещением, вероятно, тысяч двадцать тонн, а то и поболее. Море плещет, море швыряет волны на песок. Ветер ласкает воду и землю, тела людей и кроны деревьев, стебли осоки и крыши домиков. Это солнце согревает своим дыханием своих детей. Детей так много, что ему не разглядеть, кто более достоин любви, кто менее, оно всем равно дарит свое то нежное, то обжигающее тепло. Это уж дети, здесь, на Земле, спорят, кому положено больше тепла, а кому меньше. И все достоинства надуманы. Люди, звери, птицы, рыбы, деревья – все равны перед этим огромным потоком Любви.

Но Муха еще мал, чтобы думать о таких вещах. Ему про-

сто хочется урвать свой кусочек торта, но он не знает, как подступиться. А Джонни объелся тортиков, мог бы и поделиться. И, рассчитывая на это, Муха задает вопрос:

– А тебе сколько лет было, когда ты первый раз с девушкой это... ну, в общем... Первый раз?

– Тебе зачем?

– Да блин! Мне уже восемнадцать, а мне еще и одна ни разу... Я девственником так и останусь до самой смерти! Надо что-то сделать с этим!

– У тебя есть старший брат, Муха. Вот вернется, у него и спроси.

– Да че его спрашивать? Его Любка на себе женила, а больше он ни с кем и не был. Я хочу как ты. Вот как? Что надо сказать, чтобы она дала? Как их уговорить?

– Сто долларов.

– Я не хочу проститутку. Я хочу нормальную девушку.

– Дебил ты, Муха, – смеется Джонни. – Мой урок стоит сто долларов!

– Сто долларов? – Муха в шоке. – Тебе?! Ты че, Джонни? Это же просто вопрос!

– Как хочешь! – Джонни опять утыкается в книжку.

Но Муха не собирается отступать. Он продолжает атаку, будто не понимает намерения Джонни хранить свои секреты.

– Блин! Джонни! – восклицает Муха. – Я брал у брата машину. У него же классная машина, ты видел? Я одет всегда аккуратно, чистенький всегда... Что им надо? Почему они

мне не дают? Я что, некрасивый? Я красивее тебя! Почему они все хотят с тобой? Почему?

– Потому... Все. Заткнулся.

Джонни откладывает книгу и принимает на стуле более официальную позу. Он наблюдает за девушкой в розовом сарафане с бирюзовым шарфиком, накинутом на плечи. Она явно направляется к зонтику.

– Привет! – говорит девушка и ждет ответа.

У нее немного хрипловатый, приятный голос. Теплый и немного печальный. И сердце Джонни вздрагивает от звука этого голоса, но он ни за что не покажет этого, поэтому, немного подумав, он отвечает не очень-то вежливо.

– ЗдравОво, куколка.

Голос у Джонни пакостно-сладкий – карамель с презрением. Такой кого угодно взбесит.

– Я не куколка. Я – Соня.

– Привет! – Муха расплывается в улыбке.

Соня стоит перед ними в контражуре, ослепительное солнце делает легкую ткань прозрачной. Это впечатляет.

– Я – Джонни. Это мой большой босс Муха. Какие будут пожелания, Соня?

– А-а-а... Можно у вас серф взять в прокат? – Соня волнуется, она очень хочет парус, но боится, что ей могут не позволить это. И ее опасения не напрасны. Джонни молчит и думает. Ветер перелистывает страницу книги. И этот звук, словно осторожная россыпь цимбал в джазовой пьесе. Джон-

ни оглядывает Соню взглядом охотника. Любой разговор – это не просто разговор, это как минимум два разговора. Параллельных. И Джонни начинает подбирать слова.

– Серф?

– Да. Серф, – ветер развеивает бирюзовый шарфик и каштановые волосы Сони.

В очках Сони отражается Джонни, а в его очках она видит свое отражение и яркое маленькое солнце. Вернее, два маленьких слепящих солнца и две Сони – по одной в каждом стекле. И в этих черных очках отражается не только Соня, отражаются и сотни других девушек, которые вот так же останавливались перед ним до нее. Этим летом, прошлым летом, позапрошлым летом.

И еще она видит губы Джонни – красивые, четко очерченные губы умного, но непростого парня.

Внезапный порыв ветра срывает с плеч Сони бирюзовый шарфик и швыряет его прямо на колени Джонни. Джонни протягивает шарфик Соне, даже не думая привстать. Она вынуждена подойти к нему ближе и взять шарфик у него из руки. Джонни чуть задерживает шарфик, а потом разжимает руку.

– А ты умеешь? Серфила когда-нибудь?

– Нет. Хочу научиться!

– Надо проверить твой баланс, – Джонни хитро сощуривается.

– Да. Я бы и сама этого хотела, – честно признается Со-

ня. – Узнать, хорошо ли у меня с балансом.

Джонни лениво поднимается со стула и приближается к Соне. Он выше ее на полголовы, это позволяет ему смотреть сверху вниз.

– Когда ты стоишь на серфе – это как в автобусе, который едет по кочкам, и в нем нет ни одного поручня. Если плохой баланс, то нет смысла брать парус. Только время и деньги потратишь.

– Хорошо. Давайте проверим мой баланс.

– Идем, – Джонни идет прямо на Соню, и она вынуждена отступить.

Соня ставит сумку на стул и сдергивает с себя сарафан.

Муха забирается на доску и начинает на ней прыгать и танцевать. Вода такая неустойчивая, переваливается под ним шумными вздохами.

– Сможешь так? – смеется Муха, озорно сверкая глазами.

– Попробую.

Муха спрыгивает в воду, окатив Соню фонтаном брызг. От неожиданности она вскрикивает.

– Можно и поаккуратнее!

– Надеешься остаться сухой? – усмехается Джонни. Конечно, речь не идет о воде.

Соня усмехается – только она сбежала от этих двусмысленностей, и вот опять. Может быть, в этом и смысл? Понять, наестся этого до конца, чтобы уже проблеваться и больше

никогда на выстрел не подходить?

– Полезай на доску, куколка!

– Я просила, кажется.

– Прости. Я забыл.

Забраться на доску непросто, но не так уж и невозможно.

Подняться труднее: она словно живая пляшет под ногами. Но Соня довольно быстро понимает, что нужно делать. Нужно забыть о земле. Земля теперь доска. Она должна прилипнуть к ногам, какова бы ни была поза.

Несколько секунд, и Соня уже чувствует себя почти уверенно. Все-таки танго – это почти боевое искусство. И даже не почти. Соня даже делает несколько шагов и не падает.

Джонни одобрительно крикает и залезает на доску.

– Кто первым упадет?

– Конечно, я, – усмехается Соня.

– В самокритике тебе не откажешь, – говорит Джонни и принимается раскачивать доску. Через некоторое время они вместе падают в воду.

– Ну что? Хватит испытаний? – выныривает из воды Соня.

– Ты точно первый раз на доске? – опять спрашивает Джонни неторопливо и отравительно смотрит на Соню – не поймешь, что у него на уме.

– Да-да-да! Первый!

– Молодец, – говорит Джонни и добавляет деловито: – Но для начинающих обязательен инструктор. Плата удвоится.

– Хорошо. Я согласна.

И в сознании Сони навсегда отпечатывается картинка: смеющийся Муха с выгоревшими волосами, его загорелый торс, блестящий на солнце, черный драный флаг с черепом на крыше ангара, Джонни, несущий парус, ветер и шумный всплеск волны.

И это тоже часть симфонии, великой симфонии под названием Жизнь.

Глава 9. Первый урок

Волны покачивают серф. Парус распластался на воде, Соня сидит на корточках и тянет веревку, мачта постепенно напрыгается, парус отлипает и начинает подниматься.

Джонни стоит недалеко и наблюдает за ученицей, его вкрадчивый голос, кажется, звучит у нее в голове.

– Шаг за шагом, не спеша, шаг за шагом, шаг за шагом. Правая рука – гик, левая рука – мачта. Шаг за шагом, шаг за шагом.

Голос бесит своей вкрадчивостью, тем, что кажется внутренним голосом. Это сбивает Соню с ритма волн, и она тут же падает в воду. Она погружается в теплую невесомость, и так же, как только что голос Джонни, невидимые пузырьки со звоном лопаются где-то внутри головы, там, где шея соединяется с черепом. Очевидно, ультразвук передается во внутреннее ухо через кость. Соня думает, что уши расположены слишком близко к мозжечку, поэтому опасно, когда голос звучит так приятно, что становится похож на внутренний голос. К черту голоса! В голове должен звучать только один голос – голос Бога.

Вынырнув, Соня молча лезет на доску, полная намерения победить.

– Постой, Соня.

– Что?

– Не спеши! Ты спешишь! Куда ты торопишься? Давай еще раз. Шаг за шагом.

– Хорошо. Я поняла. Я не буду спешить, – Соня рывком забрасывает тело на серф.

– У тебя плохое настроение? – спрашивает Джонни, не давая Соне оторваться от своего голоса. И ей приходится ответить.

– С чего ты взял?

– Мы знакомы полчаса, и ты ни разу не улыбнулась.

– Я должна?

– Нет. Как хочешь. Просто странно.

– Спасибо, – Соня закрывает тему и начинает тянуть на себя мокрую веревку.

Парус не сразу отрывается от воды, он еще какое-то время держится за нее всей поверхностью. К счастью, ветер гонит волну и помогает Соне, ловко проскользнув в зазор между водой и парусом.

– Шаг за шагом, шаг за шагом, не спеши. Постепенно, – опять начинает комментировать Джонни.

Его голос липнет, как патока, к мыслям и движениям Со-ни, обволакивает и погружает в теплое облако, хочется до-верять этому облаку, хочется быть в этом облаке. Но как же он мешает, этот голос! Он завораживает... приходится быть начеку. Слишком сладкое облако, оно начинает затягивать. Сладкие облака обычно содержат внутри фосген.

– Твой голос мне мешает.

– Мешает? У меня плохой голос? – в глазах Джонни тревога и настороженность.

– Хороший. Слишком. Это меня отвлекает. Просто помолчи, если не трудно.

– Хорошо. Как скажешь, куколка.

Соня вдыхает, чтобы выругаться, но Джонни уже с деланным испугом приседает.

– Прости-прости! Я опять забыл!

– Я же за урок плачу деньги, правда?

– Да, извини. Больше не буду. Ты такая красивая, когда злишься.

– Заткнись!

Джонни замолкает.

Соня поднимает парус, и ветер начинает толкать ее в море. Соня смотрит сквозь пленку в неизвестность, на тонущую в дымке линию горизонта, и постепенно обвыкается на этом просторе. Она чувствует, как мир становится добрее к ней, как ее подвиг тут же награждается радостью. Кипящим фонтаном радости, которая просится наружу. А ведь давно такого не было. Очень давно.

– Ура! Ура! Ура! А-а-а-а! А-а-а-а!

Ветер несет серф Сони, она кричит от радости и сама ошалевает от этого. Она не сразу слышит крик Джонни:

– Соня! Соня! Иди сюда! Поворачивай! Возвращайся! Иди ко мне! Ко мне!

– Как? Я не умею! – оборачивается Соня и падает.

– Прыгай! Иди ногами!

Вода хрустит пузырьками, волосы падают на лицо. Соня борется с течением и толкает перед собой парус. Как все медленно происходит в воде! Сначала это бесит, и Соня пытается ускорить процесс, но вдруг понимает, что на маленькое ускорение уходит слишком много сил и гораздо лучше двигаться в том ритме, который задает сама вода. Спешить некуда.

Остановившись около Джонни, придерживая серф руками, Соня гордо улыбается. Ей так хочется, чтобы он разделил ее гордость.

– Сама не верила, что у меня получится!

– Молодец. Ты заслужила похвалу, – похвала Джонни звучит, как одобрение дрессировщика. Тут дело не в словах. В интонации.

Улыбку сдувает с губ Сони.

– Заслужила? А сахарок для собачки есть? Да, я не умею ходить на серфе, но я умею многое другое. Я не хочу, чтоб ты со мной так разговаривал.

– Как?

– Ну, так. Как будто я неполноценная или у меня трусы наизнанку.

Джонни снимает очки, и его лицо становится беззащитным, огромные грустные глаза смотрят на Соню печально.

– Прости, если я тебя обидел. Я простой парень с пляжа. Джонни с пляжа. Я не умею красиво выражаться.

Джонни издевается – это видно. Но издевается так, что не подкопаешься. Джонни крутит очки в руках, и его лицо жалобное, как у малыша-недотепы.

Соня тоже снимает очки.

– Знаешь, я один раз в жизни сыграла в дурацкую игру, и потом два месяца лежала в больнице со сломанной ногой. И до сих пор она еще болит. Мне было очень хреново. И было время подумать. Я поняла одну простую вещь. Знаешь, какую?

– Нет пока.

– Если начинаешь играть в игры, все равно проиграешь. Всегда проигрывают оба. Только кажется, что можно выиграть. Единственный способ выиграть – не играть вовсе. Мне нужно заниматься серфом, и я буду заниматься. Если я тебе неприятна, то просто скажи мне, что я должна знать, и вали на берег. Не бойся, я не угоню парус в Турцию.

– Хорошо. Я был неправ. Мир?

– Мир, – соглашается Соня.

– Итак, ты уже научилась стоять под парусом – это хорошо. Но вот ты ушла в море, и тебе нужно вернуться. Твои действия? Что ты должна сделать?

– Повернуть. Мне нужно повернуть назад.

– Верно! И сейчас я тебе покажу первый поворот.

Джонни подходит к Соне очень близко и берет за доску одной рукой, а второй прикасается к спине Сони.

– Черт. Прости, я нечаянно.

– Это обязательная часть урока? – Соня злится.

– Нет. Не нравится?

– Не нравится.

– Ладно, больше не буду. Просто у тебя такое хорошее тело. Спортом занимаешься?

– Танцы. Танго, – отвечает Соня.

– Фестивали, конкурсы, поклонники. Да? – он расковыривает Соню, как раковину, доставая из раковины ее памяти маленькие жемчужинки.

– И это тоже. Но не в этом дело. Танго меня спасало от всего. От всего вообще. Мечтала открыть свою школу.

Соня расслабляется и забывает, что не хотела разговаривать с Джонни ни о чем, кроме серфа.

– Да. Перелом ноги-то тебе не в тему, – сочувствует Джонни.

– Не в тему. Ладно, давай заниматься. Это мои проблемы.

– Кто спорит? – Джонни залезает на доску и начинает поднимать парус.

– Кстати, почему Джонни? Твой отец был американцем?

– Нет. Моя мама была актрисой, – усмехается Джонни.

Соня не очень понимает, как это связано, но дальнейшие расспросы кажутся неприличными.

Глава 10. Пари

Муха поднимает голову, и взгляд упирается прямо в грудь Сони.

– Сколько с меня? – спрашивает Соня, открывая кошелек.

– Двести.

Соня кладет деньги перед Мухой на стол, но взгляд Мухи, как холодное щупальце осьминога, заползает в ложбинку между грудей Сони.

Неприятно. И Соня не церемонится.

– Хорош пялиться, я начинаю дымиться!

– Я просто хотел спросить, что ты вечером делаешь.

– А по-моему, ты пялишься на мои сиськи. Просто возьми деньги.

Муха прячет купюры в стол.

– Ладно. Скажи, а ты любишь стихи?

– Стихи?

– Да, стихи, – Муха пристально смотрит на Соню.

– Стихи тебе рановато, малыш. Попробуй начать с прозы.

– Типа ты меня опустила сейчас?

– Типа я просто не хочу стирать с себя твои слюни. Избавь меня от этого, ладно?

Соня уходит. Муха смотрит ей вслед, и его ноздри яростно раздуваются.

Солнце перевалило через полдень и созрело, как созревает яблоко. Стало медовым.

Ветер треплет бирюзовый шарфик, Джонни держит его у лица и смотрит сквозь него на море. Сквозь ткань все выглядит словно в дымке. И запах... Этот запах ослепляет Джонни так же, как глаза в сумерках ослепляет внезапно вспыхнувший свет. Соня подходит ближе и рывком забирает шарфик.

– Дай сюда.

– Все еще хочешь, чтобы я с тобой занимался? – спрашивает Джонни.

– А есть выбор? – Соня недовольна.

– Муха, например. Он тоже инструктор.

– Не смешно. В море и без его слюней мокро. Да вы тут озабочены все? Местные девушки не хотят с вами иметь дела?

Джонни пропускает колкость мимо ушей.

– Во сколько придешь завтра?

– Так же. Утром, – отвечает Соня, остывая, и уходит.

Джонни смотрит ей вслед. Он еще сам не знает, что это все значит. Просто она идет, а он смотрит. Подходит Муха и садится на свой стул.

– А спорим, она тебе не даст! – резко объявляет Муха.

– Она? Мне?! – Джонни заливается хохотом.

– Тебе! – Муха все еще не успокоился.

– Смешно, Муха. Она уже готова.

– Спорим на сто долларов!

– А как ты узнаешь? Я же могу просто сказать, что типа было.

– Фотку сделаешь. Она будет голая в постели, а ты сделаешь ее фотку. Не какие-то там гламурные фотки, а такая. Просто фотка на мобилу.

– Ладно! Давай. Спорим! Через неделю будет фотка. Готовь баксы, Муха.

Они бьют по рукам.

Джонни бросает пустую бутылку, она пролетает несколько метров и попадает точно в мусорницу.

Глава 11. Флэшбэк. Николай

Если ты девушка и твоя профессия – танго, ты неизбежно должна танцевать на публике. И тебе нужен хороший партнер. Его тело должно понимать твое тело, и его дух должен воспламенять твой дух. Если этого нет, то все бесполезно. Танго – это танец двоих, ставших одним целым.

Вот об этой части себя и тосковала Соня, танцующая с Николаем на конкурсах. Но он был хороший парень, исправно платил за уроки, финансировал их поездки, и Соне приходилось сносить его деревянность и танцевать за двоих. Он, правда, этого не замечал. И не понимал, конечно, за что его Соня временами начинала ненавидеть.

В тот день они взяли приз на довольно приличном конкурсе, и Николай был счастлив. Он был готов для Сони почти на все. Но Соня была так измотана, что у нее не осталось сил на то, чтобы радоваться вместе с ним.

Раскланявшись под аплодисменты публики, Соня даже не стала собирать букеты, упавшие на сцену под ее ноги, оставив это Николаю. Она шла по коридору и тихо кипела гневом. Слыша топот бегущего Николая, Соня понимала, что не должна обломать его, что должна разделить его радость, но не могла. И молилась только об одном – не сорваться. Когда он ее догнал и сунул в руки букеты, Соня не выдержала. Она наклонилась и выплеснула из себя истошный от бессильно-

го раздражения вопль. От этого вопля содрогнулись стены и остановились все, кто был в коридоре. Выходившая из туалета женщина испуганно замерла.

– Извините. Нервы! – Соня мило и спокойно улыбнулась ей и, сунув букеты в урну, рванула к гримерке.

Николай догнал ее, и она не могла смотреть в его глаза, полные отчаяния.

– Почему ты выбросила цветы?

– Не спрашивай! – Соня еще надеялась избежать ссоры. – Прости. Я виновата. Я устала. Прости.

– Что я сделал не так? – Николай никак не мог успокоиться.

– Все! Все! Ты все делал не так! Лучше танцевать с роботом, чем с тобой.

– Но мы же получили приз. И столько цветов! Объясни мне!

– Ладно! Ты сам хотел этого, – сказала Соня, с ужасом понимая, что совершает непоправимое. – Ты холоден, как ледышка!

– Это же просто танец.

Она не могла смотреть на него, он выглядел так жалко. И ей хотелось избить его за эту жалкость, хоть немного смелости ему добавить. Хоть немного ярости. Соню понесло, она уже не могла ничего сделать.

– Да? Это просто танец? – издевалась Соня. – Вот! Вот в этом и проблема! Это танго, а не просто танец! Это военный

танец мужчины и женщины! Это танец двух зверей. Самца и самки. Самец хочет победить самку, самка хочет обмануть самца. Понимаешь? Они охотятся друг на друга. Вот это и должно быть в танце. А этого нет!

– Но нам же дали приз! Значит, мы хорошо танцевали! – в глазах Николая заблестели слезами.

– Нам? Мне! Ведь это мне дали приз! Это я танцую за двоих. А ты просто ходишь, как Буратино!

Это было непоправимо, но останавливаться было уже бессмысленно. Николай повернулся и пошел прочь. Она смотрела вслед и понимала, что это навсегда, и ей было бесконечно стыдно, и было жалко его, но уже ничего нельзя было изменить. И сердце Сони пылало, как кусок раскаленного железа.

Она влетела в гримерку и начала раздеваться, думая о том, что надо напиться. Напиться и потом, утром, проснуться уже со свершившимся фактом. С Николаем было покончено. Она убила его. Убила, хотя не хотела этого. Просто больше не могла, просто было уже слишком больно и невыносимо.

Неожиданно дверь открылась и кто-то вошел.

– Какого черта? – заорала Соня. – Там что, есть надпись «Заходите все, кому не лень?»

Но на незнакомца это никак не подействовало. Он ждал паузы, чтобы вставить свою реплику. В его голосе слышалась насмешка и даже брезгливость.

– Ты не умеешь танцевать, но я могу научить тебя!

– Что?! – Соня была в шоке. Она не считала себя совершенством и допускала, что есть кто-то, кто танцует лучше нее. И она была готова слушать. Незнакомец подошел ближе.

– Ты танцуешь, как барби. В тебе нет настоящей страсти.

Кстати, меня зовут Вадим.

Соня оторопело замерла. Вадим уже прижал ее к стене.

– Так что? Начнем прямо сейчас? – Вадим подошел к ней близко-близко. – ТЫ хочешь стать королевой танго?

– Именно этого я и хочу, – ответила Соня и с ужасом посмотрела на неприятное хищное лицо Вадима. Его лицо приближалось, и вдруг не говоря ни слова, он поцеловал ее в губы. Это бред, гипноз, наваждение, почему-то она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Как только с языка Вадима соскочила личинка гомункулу-са и проникла в желудок Сони, он сразу же отступил. Яд начал действовать моментально. Вадим перестал казаться таким кошмарно злым. Он стал милым. Он еще не ушел, а Соне уже не хватало его.

– До встречи! – Вадим ушел, оставив Соне мимолетную улыбку, запах парфюма, растерянность, сосущую боль в желудке и визитку с золоченым вензелем имени.

Утром Соня почувствовала сильнейшую необходимость поговорить с Вадиком, ощутить его запах, просто увидеть его. Он был ей нужен, словно таблетка. Но он не отвечал на звонки, и каждый его неответ усиливал тошноту. Дело до-

шло до того, что у Сони поднялась температура. И ей пришлось три дня отлеживаться в постели, вставая только для того, чтобы сходить в туалет и выпить таблетки. Она была уверена, что у нее грипп. Фигура Николая моментально растаяла в бреду, который пришел вместе с температурой.

На третий день Соне стало лучше. Она приняла душ, убрала квартиру, сварила кофе и услышала звонок в дверь. Соня открыла и увидела Вадика с букетом роз в руках.

– Привет, – Соня удивилась и обрадовалась. Вадик был похож на спасение. На ангела, сошедшего освободить пленных из темницы. – Я звонила тебе, почему ты не отвечал?

– Три дня, – улыбнулся Вадик. – Мне нужно было выждать три дня. Срок инкубации.

– О чем ты? – Соня насторожилась.

Но Вадик тотчас соорудил жалобное лицо.

– Шутка. Так ты впустишь меня?

– Конечно. О чем ты спрашиваешь? – гомункулус уже рвался к Вадиму, уже тянул из Сониного желудка свои тонкие лапки к своему хозяину.

Тогда она не поняла, что к чему.

Глава 12. Рита. Развод

Игорян, Наталья и Рита лежат на полотенцах. Разморенные, размякшие, как медузы. Лоснящиеся маслом от загара. Ветерок с моря сдувает с них марево нагретого воздуха. Соня думает, что наверняка в головах у всех этих людей сейчас крутятся какие-то мысли. Мысли не могут не крутиться. Не крутятся они только во сне или в состоянии медитации. Но это не тот случай.

И Соне очень интересно, что думают сейчас Наталья и Рита, поругавшиеся вчера за ужином? И думают ли они вообще друг о друге? Рита наверняка крутит в голове историю с разводом: муж, дети, зыбкое будущее. Игорян. О чем думает Игорян? Его живот уже раскаленно красный, а он и не думает поворачиваться.

Соня бросает сумку, расстилает полотенце и плюхается рядом с Ритой. Рита поворачивает голову.

– Вернулась?

Соня улыбается.

– Классно. Невероятно.

Игорян поднимает голову.

– Это ты там под парусом была? Видели тебя.

– Ага. Я.

– Ох, что-то я переборщил сегодня, – увидев свой живот, Игорян садится и надевает на лысую голову шляпу. – Ну как?

Понравилось тебе там?

– Круто, – отвечает Соня. – Инструкторы только придурки. Озабоченные реально. Бесит. Платишь им бабки, а они все равно норовят за задницу схватить.

– Может, он тебе приятное хотел сделать? – смеется Игорян.

– Да-да. Конечно, мне. Кому же еще? – ухмыляется Соня. Она снимает сарафан и остается в купальнике.

Пищит мобила Риты. Она читает сообщение, вскакивает и, изменившись в лице, лезет в сумку. Вытащив таблетки, запивает две штуки водой.

– Твою мать! – Ритин голос срывается. Она сейчас заплачет.

Соня молча смотрит на нее, понимая, что разговора о «трамвае» не избежать.

– Ты что там все глотаешь? – Игорян всегда улыбается, что бы ни случилось. – Что там у тебя?

– У меня там развод. У мужа любовница, а у меня – трое детей, – у Риты в горле ком.

Неожиданно для всех раздается резкий голос Натальи:

– Трое! Куда ты троих-то наплодила? Чем же думала раньше? Детьми удержать его думала? Да мужику хоть пятнадцать. Решил уйти – уйдет. А ты чего тут млеешь на солнышке, а не с детьми?

– Почему вы так говорите? – голос Риты срывается. – Да он сам хотел! Все запланированные! А вам бы не подслуши-

вать чужие разговоры.

– А вам бы не орать на весь пляж, – парирует Наталья.

– Вот же! Что за человек? – взвизгивает Рита гневно. –

Ваших советов мне не хватало для полного счастья!

– Ладно. Прекратите! – урезонивает Игорян. – Мы мирные люди. Да, развод – штука неприятная.

– Есть и более неприятные вещи, – продолжает скрипеть

Наталья. – Например, совместная жизнь.

– Да что вы? А если я люблю своего мужа? Вам это странно? – выпаливает Рита.

– Да нет никакой любви. Это бред.

– Пойдем окунемся? – Соня поднимается и прерывает спор.

Они уходят. Стоя по пояс в воде, приучают распаленное тело к новой температуре.

– Ну и дрянь эта Наталья, – Рита качает головой. – Вечно как скажет что-нибудь. Кто просит? Взбесила меня!

– Ага, зануда, – соглашается Соня и ныряет в набежавшую волну.

Глава 13. Флэшбек. Падение

Это был адский день. Все, абсолютно все шло наперекосяк. Даже те люди, которые были друзьями Сони, отвернулись от нее, даже предметы стали ее врагами. Косяки, двери, стаканы – все объявило ей войну. Кончилось тем, что Соня подвернула ногу. И Вадик, который всегда спасал ее от этого, тоже бросил ее одну. Соня лежала одна в пустой комнате гостиницы и слушала доносящийся с улицы смех, смех Алисы и Вадика. Этот смех звучал адской музыкой в ушах Сони. И в желудке опять ворочался гомункулус. Тошнота накатывала волнами.

Холодный воздух приносил снежинки с улицы через распахнутую дверь балкона, взлетала штора, празднично поблескивая новогодней мишурой. И музыка, всюду гремела музыка.

Соня ничего не могла сделать, слезы сами текли по щекам. Стрелка на шкале жалостомера к себе давно и прочно застыла в красной зоне. Они пришли, принесли ей торт и вискарь. Вадик и Алиса. Веселые, радостные. Будто это они вместе, а не она и Вадик.

– Ну что ты, малышка? – сочувственно произнес Вадик, присев к ней на кровать. – Голова болит? А мы тебе тортик принесли. И виски. Сперли с банкета.

«Мы» больно резануло Соню, и она процедила сквозь зу-

бы:

– Ненавижу вас. Обоих.

Лицо Вадика мгновенно изменилось, его глаза загорелись волчьим огнем.

– Молодец. Просто умница. Отлично. Значит, тебе лучше одной. Давай. Оставайся.

Алиса стояла за его спиной и даже не сомневалась, что она поступает хорошо, что это нормально – то, что Соня лежит в постели с растянутой ногой, а ее Вадик сопровождает Алису и днем и ночью.

– Вадик, я обязательно должна тут быть? – Алиса брезгливо наморщила носик.

– Да. Я хочу, чтобы ты осталась. У меня нет секретов от тебя. Я хотел, чтобы ты посмотрела на нее. Чтобы ты сама во всем убедилась.

– Урод! – выдавливает Соня сквозь ком в горле.

– Что ты сказала? – Вадик бьет Соню по щеке.

Алиса хватается его за руку.

– Перестань! Как ты смеешь бить девушку! За что?

– Она шантажирует меня своим вытьем. Надоело!

– Угадал! Это шантаж – кричать от боли, когда тебя режут без наркоза. Точно. Я и не знала, что это называется шантаж!

– Заткнись!

– Идем отсюда!

Алиса утащила Вадика, схватив его за руку.

Соня поднялась с кровати, взяла бутылку виски, хлебну-

ла, потом еще и еще. Торт полетел в стену, и Соня с наслаждением смотрела, как он ползет вниз по дорогим обоям люкса. Она даже и сама не знает, что предьявить Вадику? Что? То, что ее сознание превратилось в руины? То, что весь мир, который был прежде ее миром, стал миром Вадика?

Белое небо рушилось на землю крупными снежными хлопьями. На горячих губах Сони таяли снежинки. Слезы лились ручьем и падали в снег. Соня ненавидела себя за это. Ну что она, маленькая девочка, что ли? Соня нагребала горстями пушистый снег и жадно хватала его ртом. Семь этажей. Земля очень быстро летела навстречу.

Глава 14. Рита.

Стратегия и тактика

Море лаванды простирается по одну сторону от берега, море воды простирается по другую сторону. Запах. Неповторимый запах кружит голову, фиолетовый сладкий запах окутывает волшебным облаком. Это такое магическое женское занятие – собирать лаванду или ягоды и разговаривать о том, о сем. Мужчины думают, что женщины говорят только о косметике, детях и нарядах, но это не так. Если бы они послушали тайные женские разговоры, они очень удивились бы.

– Подумала вчера, – говорит Соня, – море соленое, как слезы. А что, если это и правда слезы? Мы все произошли из слез.

– Точно, – соглашается Рита. Она нюхает цветы и закрывает глаза, улыбка появляется на ее бледном, несмотря на загар, лице.

– А потом я придумала легенду. Нет. Я не придумала ее. Мне кто-то нашептал, наверно. Как будто Зевс обидел Афину, и она пошла плакать. Плакала-плакала и наплакала целый тазик слез. А Зевс споткнулся, и все слезы выплеснулись на Землю. Так получилось море. Зевс разозлился, метнул в море молнию, и появились бактерии, а потом уже все стали жрать друг друга и постепенно эволюционировали. Пред-

ставляешь, когда-то и ты, и я были бактериями.

– Да ладно. Я не была бактерией.

– А я была, – говорит Соня. – Я была бактерией, рыбой, потом стала зверем, потом уже человеком. Иногда мне кажется, что мне миллион лет.

– Смешная ты, – усмехается Рита. – Я знаю, ты хочешь отвлечь меня.

– Ага, – улыбается Соня.

– Спасибо, Соня. У тебя неплохо получается. Но меня очень колбасит. – Рита опять достает таблетки и глотает одну, запивая водой из бутылочки.

– Знаешь, – Соня грустнеет, погружаясь с прошлое, – я тоже думала, как можно предать «нас»? Мы же одно целое, это как предать свою печень или почки. А потом я поняла: никаких «нас» не было. Я сама придумала «нас». Он приехал в Москву, чтобы сделать карьеру, и был готов на все ради этого. А я тут вообще не причем. Была нужна, а теперь нет.

– Ужас. Гадко, – морщится Рита. – Но это хотя бы понять можно. А у меня-то что? Что он в ней нашел? Большие сиськи? И все? Там же ничего нет. Ни-че-го! Дура набитая! Во! Променять на сиськи детей, семью. Как?

– Ну, так. Захотелось больших сисек. Маленькие наскучили.

– Ага! Так ты прикинь, – Рита шмыгает носом. – Он же мне еще и жалуется. Говорит мне: «Как же она без меня? Она такая беспомощная!» Мне жалуется! Хочет, чтобы я ее

пожалела. Я – ее! Можешь представить?

– Могу. Кому еще? – Соня пытается иронизировать. – Ты же мамочка! А мама должна помочь. Смешно, но банально. Вот что и гадко, что все банально!

– Но он же любил меня! Любил! – Рита опять впадает в отчаяние. – У нас все по-настоящему было! Почему он к ней хочет уйти?

– Никто ни от кого не уходит, Рита, – тихо говорит Соня. – Все уходит от себя прошлого к себе будущему. И другой человек – лишь повод, толчок, точка опоры. Не более. Дура, говоришь? С сиськами? Надоело быть мальчиком. На фоне дуры проще реальным пацаном себя ощутить. Вот и все. Все просто.

Рита качает головой.

– А любовь? А как же семья? Что, ничего не значат?

– Нет никакой любви. Физиология одна. А все остальное – невроз.

– А зачем тогда жить?

– Низачем. Просто. Зачем кошки живут? Просто живут.

Рита слушает Соню и постепенно успокаивается. И тут дело не в словах Сони, а в том, как она их говорит. Спокойно, почти благостно. И это спокойствие нужно Рите. Только оно.

Мобильник Риты сигналил о сообщении. Рита читает его, и ее дыхание учащается.

– Что такое? – спрашивает Соня.

– Подруга пишет. Она работает вместе с ними. С Антоном

и Сисярой. Антона вместе с Сисярой отправляют в командировку. На два месяца. Это конец! Сисяра укатает его там.

Рита трясущимися руками открывает бутылочку с водой и пьет.

– А дети с кем у тебя сейчас? – спрашивает Соня.

– С ним. Днем домохозяйка, вечером он.

– А если он уедет?

– Свекровь себе детей возьмет.

Соня смотрит на Риту с изумлением.

– Что? – Рита не понимает.

– Скорее звони свекрови! Пусть заболит срочно! Пусть что угодно делает, только пусть не берет детей к себе. Она ж не хочет, чтобы ее сын троих детей бросил? Нет? Или она тебя ненавидит вместе с детьми?

– Не-ет! – поднимает брови Рита. – Она против развода. У меня свекровь отличная. Точно! Как я не доперла! Спасибо, Соня. Ты мегамозг просто! Он останется, и она поедет одна! Чтоб она там и сдохла! Сучка драная!

Рита лихорадочно набирает номер. Длинные гудки.

– Не берет, – Рита огорчена.

– Ну, позже позвонишь, – деловито советует Соня. – СМС отправь. Пойдем на рынок сходим. Мороженого купим. Тут же есть рынок?

Глава 15. Джонни провожает Зайку

Вокзал в Севастополе радостный, когда приезжаешь, и грустный, когда уже надо уезжать. Особенно грустно, когда ты – женщина тридцати пяти лет, не очень выдающаяся, вполне-таки обычная, и тебе нужно уезжать обратно в серую скуку Москвы из сказочной истории про Принца. И провожает тебя твой Принц, и ты не можешь с ним остаться, потому что одна половина твоего мозга все понимает – нет никаких Принцев.

Любой Принц живет неделю или две, а потом превращается в Демона или Людоеда. Но вторая половина мозга все еще верит в Принца. Верит вопреки всему, потому что эта вера удерживает тебя в жизни. Потому что если не эта вера, то что? Что может быть наградой женщине тридцати пяти лет, матери двоих детей, жене сорокалетнего мужчины, работнице большой корпорации, где нет ни секунды на счастье? Что? Что может компенсировать ей всю эту бессмысленность?

Поэтому она верит до последнего в сказку о Принце, до последней секунды, до отправления поезда, до взлета самолета. И хороший Принц знает это. Он – независимо от будущего – подыграет ей. Будет честным Принцем до конца истории. Это не так трудно.

Джонни обнимает Зайку и вздыхает. У него лицо безутешного Пьеро.

– Ты обманывать меня. Играешь со мной! Сядешь в поезд и тут же забудешь меня, Зайчатинка. Моя сладкая Зайчишка-малышка.

Зайка капризно кривит губки.

– Глупости! Джонни! Как я могу тебя забыть? Ты – самое прекрасное, что у меня было!

– Было? – Джонни вздергивает брови. – Уже было. Так я и знал. Не успела уехать...

– Джонни! Не рви мне сердце! Ты же знаешь, я ничего не могу сделать! Я должна вернуться к мужу!

– Просто ты не любишь меня! – Джонни опять включает нить.

– Джонни! Перестань же!

– Конечно. Я простой бедный парень с пляжа, а там – бизнесмен. Так всегда! Все решают деньги!

– Ой! Забыла. Это тебе. На память!

Она снимает с себя золотую цепочку и вешает на шею Джонни.

– Да-да. Золотом решила откупиться, – усмехается Джонни, хотя подарки – это одно из приятных правил всех этих историй. Впрочем, Джонни не дорожит их материальной стороной, раздаривая их последующим принцессам. Ему важен факт трофея. Только это волнует его. Поэтому ему нетрудно играть прощание.

– Дурак, – Зайка надувает пухлые алые губки. – Это просто на память. Я люблю тебя, Джонни!

Джонни больно сжимает руку Зайки. Зайка вскрикивает.

– Синяк же будет.

– Недолго. Как раз успеешь меня забыть. Чтобы знала, как разорвала мне сердце. Ты не любишь меня. Ты любишь своего мужа.

– Джонни! Прекрати! – Зайка тоже соблюдает правила игры. Эта игра еще долго будет согревать ее тусклую жизнь в Москве.

– Гражданочка! Пора в вагон! – торопит проводник.

Джонни легко прикасается к губам Зайки и резко отталкивает ее от себя. Вытирая слезы, она поднимается на ступеньки вагона, забирает у Джонни свою сумку, проводник опускает железную крышку над ступеньками, и поезд трогается.

Джонни машет и идет следом. Недолго.

Поезд начинает ускоряться, и Джонни, красиво пробежав несколько шагов, резко останавливается.

– Я люблю тебя, Джонни! – кричит Зайка, высунувшись в окно туалета.

Джонни опять машет, Зайка тает в своем, отдельном от него будущем. Лицо Джонни опять становится обычным лицом курортного бездельника, живущего от истории до истории. Джонни снимает цепочку, смотрит на нее, кладет в карман.

Бабка с сумками, остановившаяся рядом, качает головой.

– Ах ты зараза! Альфонс чертов!

– Дура ты, бабка, – спокойно отвечает Джонни. – Я делаю их счастливыми. Давай помогу, что ли?

– Да иди ты! – ругается бабка, но Джонни уже берет ее чемодан.

– Не ори. Идем. Не украду я твой чемодан.

Джонни направляется к лестнице перехода, бабка семенит рядом.

– Вот и пойми вас, – с досадою говорит она, довольная тем, что ей не надо нести чемодан самой.

Глава 16. Малышка

Вечер. Почти вечер. До темноты остался час, не больше. Джонни идет по камням вдоль берега. Волны заплескивают его ноги в резиновых сланцах. Следом ковыляет на шпильках Малышка. Она полненькая, и явно не рассчитывала на такую дорогу.

– Долго еще? – Малышка недовольна, капли пота блестят на ее лице.

– Нет. Минут пятнадцать. Устала я. Ну, прости.

– О, боже! Нельзя было поближе найти место? Я не дойду.

Джонни равнодушно идет дальше. Ему даже не приходит в голову протянуть Малышке руку, как-то поддержать ее. Он весь погружен в свои мысли.

Внезапно открывается красивый пейзаж, и Джонни останавливается.

– Все. Пришли!

– Как? Ты же сказал...

– Я пошутил. Будем здесь фотографироваться.

Джонни открывает рюкзак и достает фотоаппарат. Малышка открывает косметичку. Заметив, что Джонни прицеливается объективом, она отворачивается и машет рукой.

– Да подожди ты! Я ж на черта сейчас похожа!

Открыв пудреницу, Малышка начинает подводить губы.

– Сказал бы сразу, я бы не красилась, весь мейкап превра-

тился в черт-те что.

– Да ладно. Нормально все. Все равно море смоем весь твой мейкап.

– Что? – Малышка пугается. – Даже и не думай!

Джонни ждет, когда она накрадется, и потом знаком показывает, что она должна пойти на камень, о который разбиваются волны. Малышка смотрит на Джонни неуверенно, но он знаком показывает ей, что все будет именно так и никак иначе.

– Как ты это делаешь? – удивляется она. – Кажется, я пойду и в ад, если ты скажешь.

– Это могло быть интересно, – усмехается Джонни.

Смирившись, Малышка снимает босоножки.

Глава 17. Рита.

Томительное ожидание

Рита и Соня сидят в кафе и едят мороженое. Громко играет арабская музыка. Она витиевато кружится над пестрыми рядами. Осенний рынок не так оживлен, как летом, но все же бархатный сезон – это еще сезон, и местные стараются выжать из последних деньков последние заработки, чтобы потом проехать их всю зиму.

Это приятно – сидеть в кафе, поедая мороженое, смотреть, как мимо идут люди: мужчины, женщины, дети. Шум шагов сливается в однообразный ритм. Соня закрывает глаза, и ей начинает казаться, что мимо ползет огромная гусеница.

Рита в который раз набирает номер на телефоне и слушает длинные гудки. Она по-прежнему бледна, и руки подрагивают.

– Почему она не отвечает? Трубку не берет? А вдруг она реально заболела?

Соня спокойна, она видит в Рите свое прошлое, и ей смешно то, что казалось серьезным. И от этого грустно. Почему она сразу не поняла, что потом ей будет просто смешно?

– Может, в ванной, – высказывает Соня предположение. –

Выйдет – ответит. Не нагоняй.

Рита ест мороженое, Соня ест мороженое. Мимо идут люди, бегут собаки. Идет нищенка с сумкой, роется в мусорке.

– Ненавижу Сисяру! Ненавижу! – Рита кипит, она должна что-то сделать, чтобы найти выход скопившейся энергии, но выхода нет. Все, что сейчас волнует ее, – это ее разгоняющийся «трамвай», но у нее нет над ним власти. Соня смотрит на муки Риты и думает, что отвлечь ее можно только чем-то более сильным, более страшным. И тут ей вспоминается маньяк. Маньяк – это не развод, не война, не болезнь. Это настоящий inferнальный ужас. Это не может уложиться в голове нормальной женщины.

Соня доедает мороженое и говорит:

– Не за что тебе ее ненавидеть, Рит. Кошка не хочет зла мышке. Она просто хочет есть. А я вот что подумала.

– Что?

– Вот смотри: люди. Идут все по своим делам. На работу, домой, на свидание. И среди этих людей идет маньяк. Например, вот этот продавец мороженого. Что он делает по ночам? Смотри, какие у него руки. Какие мерзкие пальцы. А что, если он этими пальцами берет скальпель или нож...

– Перестань, – теперь Рита между двух огней.

Развод – это то, что сейчас важнее всего, но маньяк страшнее даже этого. И воображение Риты зашкаливает от ужаса. Соня продолжает разговор, чтобы закрепить эффект.

– Кажется, что это где-то не здесь, – говорит она нетороп-

ливо. – Где-то в книгах, в кино из Голливуда. А они здесь. Среди нас. Любой может оказаться маньяком. И представь, пока не доказано, что человек маньяк, ты должна разговаривать с ним вежливо, здороваться с ним за руку! Вот что ужасно!

– Прекрати, Соня! – воображение заставляет Риту нервничать.

– А представь: ты выходишь замуж за приличного парня, он иногда ездит в командировки, привозит подарки, заботливый, нежный. А потом, когда у вас рождается первенец, ты узнаешь, что его отец – маньяк. Что он ездил в командировки на охоту. Приезжал в город, знакомился с девушкой, она приглашала его в гости, и он пил ее кровь и тихо уходил, пока все спали. А у тебя от него ребенок. Вот что ужасно. От этого ты уже никогда не отмоешься.

– Перестань! – Рита уже начинает злиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.